

Валерий БРЮСОВ

Здорового смысла тартарары

Диалог о футуризме

Лица диалога:

Неистовый критик. Писатель уже немолодой, начавший писать еще при Надсоне, но потом уверовавший в символизм.

Умеренный критик. Писатель более молодой, особенно боящийся прослыть отсталым.

Поэт-символист. Стареющий юноша, с вкрадчивыми манерами.

Футурист. Умеренный, печатавший свои стихи в «Очарованном страннике» и «Мезонине поэзии»

Историк литературы. Лицо скучное. Резонер.

Все пятеро сравнительно давно знакомы друг с другом. Диалог происходит в отдельном кабинете ресторана, за стаканами слабого белого вина (вероятно, шабли), которое историк пьет без всякого удовольствия, а футурист — с явным презрением. Приятели собрались в ресторане после публичной лекции другого футуриста, крайнего (который, к сожалению, в диалоге не участвует), на тему: «Здорового смысла тартарары». Лекция кончилась, как водится, скандалом и теперь, уже с полчаса, служит предметом обсуждения.

Приятели называют друг друга (в том числе и футуриста и он других) просто по имени и отчеству. Неистового зовут Александр Борисович, что можно обозначить буквами А. Б. Точно так же умеренного можно обозначить буквами В. Г., символиста — Д. Е., Футуриста — Ж. З., историка — И. И.

Д И А Л О Г

Неистовый. — Нет-с, извините! «Мне не смешно, когда маляр негодный мне пачкает Мадонну Рафаэля!» Все, чем человечество гордилось тысячелетия: Гомер, Данте, Шекспир, Гёте,

Пушкин — приходят какие то мальчишки и объявляют это все насмарку! (В волнении неистовый говорит анаколуфически). Там были глубочайшие проникновения в самую суть нашего духа, там было торжествующее преодоление, так сказать, нашей земной сущности! То были достижения, откровения, которые мы, люди, могли бы противопоставить жителям иных планет, если бы они однажды явились на нашу маленькую землю! И чем же нам предлагают заменить все это? Нечленораздельными звуками! Века, тысячелетия человечество искало выражения своей коллективной личности, обрело его наконец, — и что же? Нас хотят вернуть к дикому вою троглодитов, который, может быть, и оглушает, но от которого становится только тошно! Нет-с, извините! Позвольте мне остаться с моим Гёте и моим Шекспиром!

Умеренный. — Простите, А. Б., дело совсем не в этом. К чему брать крайности? Наш друг, Ж. З., сам конечно, не разделяет разных диких выходов своих quasi-единомышленников, — начиная с раскрашивания лиц и кончая стихами на языке «дырбул-щыл». Такие крайности естественны в молодой школе, притом подвергающейся яростным нападкам. То же самое бывало и в первые годы романтизма, и в первых битвах символистов. Не правда ли, И. И.?

Историк (внимательно изучая карту вин, не подымая головы). — Бывало.

Умеренный (продолжает). — Меня смущает не это. Я вполне понимаю возникновение футуризма. Это — порождение современных больших городов, той культуры, о которой так хорошо сказал Игорь Северянин, что она «гнила, как рокфор». С одной стороны, началось повальное увлечение стариной. Маринетти и его товарищи стоном застонали от того преклонения перед старой Италией, которое современным итальянцам жить не дает. А у нас разве лучше? Да одна эпидемия неожиданного восторга перед старыми иконами, которая охватила сейчас всю Россию (а, кажется, и не одну Россию), чего стоит! Понятно, что художники завопили: «к черту старину! мы хотим жить сегодня, а не третьего дня!» С другой стороны, настал век машин, механизма. Все «омашинилось», говоря футуристическим языком. Фабрики, телефоны, синематографы, автомобили, аэропланы — без них теперь нельзя себе и представить жизни. Поэты не только могли, но должны были найти во всем этом поэзию. Сами живя в городах, они должны были воспевать не ручейки, поля и моря, а нашу городскую хаотическую жизнь. Поэзия механизмов и есть поэзия футуристическая. Но меня удивляет, что футуристы, вместо того чтобы исполнять свое прямое назначение, то

изображают жизнь первобытных дикарей, то, в самом деле, сочиняют стихи из одних гласных или одних согласных. У них, у футуристов, прекрасная позиция, а они сами от нее отрекаются.

Символист (вкрадчиво). — Разве же символисты не изображали современности, не передавали ее ритма? Возьмите стихи Верхарена. Вы там найдете гимны (и какие гимны!) этой самой механичности! (Спохватившись, с величайшей предупредительностью, к футуристу.) Впрочем, что же вы ничего нам не возражаете, Ж. З.?

Футурист. — Что тут возражать? Сами вы в своих статьях твердите, что в искусстве важно не «что», а «как». А теперь ставите нам, футуристам, на вид, что мы пишем не о том, о чем следует. Эх, господа, еще немного, и вы будете предлагать нам писать о страданиях бедного мужика, гибнущего от успехов капиталистической культуры! Будьте откровенны: всего дороже вам в поэзии Некрасов.

Неистовый. — Да уж лучше писали бы вы о страданиях мужика, чем о какой-то Ы, говорящей «у». Хорошая ли вышла бы поэзия, не знаю, но был бы смысл. А теперь ни смысла, ни поэзии.

Символист (весьма уязвленный словами футуриста). — Это не я заговорил о «что». Но если вы хотите говорить о «как», то я скажу следующее. Поэзия, вообще искусство — от века символичны. Слово не адекватно идее или, если угодно, настроению, чувству, вообще духовному содержанию. Выразить идею можно только в символе. Так и делали все истинные поэты всех эпох и всех народов, в Атлантиде, так же как в Элладе, в средние века, как при Пушкине. Вот почему мы называем и Эсхила, и Вергилия, и Гартмана фон Ауэ, и Тютчева нашими братьями. Символическая школа только осознала этот извечный принцип всякой поэзии, всякого искусства. И если вы хотите творить создания художественные, вы должны быть символистами. Идите дальше нас, совершайте новые завоевания в беспредельной области искусства, но вы должны идти от нас через нас. Другого пути нет.

Футурист. — «Поэзия символична!» Что же вы думаете, что это все еще новость. Это так же неинтересно и ненужно, как «дважды два четыре». Вы отстали лет на пятнадцать, проповедаю нам такие истины.

Символист (изысканно-вежливо). — Я вам ничего не проповедую. Я вам предлагаю на чем-нибудь согласиться, чтобы можно было спорить дальше. Мне чрезвычайно приятно, что вы признаете учение о символе истиной. Отсюда и поведем наши рассуждения.

Футурист. — Да это то ваше «отсюда» — только общее место. Поэзия символична или поэзия поэтична, что из этого выведешь? Может быть, ваше «учение» имело когда-то смысл, но теперь оно — трещетка, которой играют дети. Как говорит один мой приятель, «символисты опоили русскую литературу специями сладостными, стряпней елейной, супом дерзания и смирения». Довольно с нас ваших приторных кушаний. Оставайтесь со своим символизмом, нам он не нужен.

Неистовый (про себя). — Просто вам учиться лень.

Умеренный. — Вы не так поняли Д. Е. Он же ничего не имеет против ваших новых дерзаний и исканий. Он только настаивает, что символизм присущ искусству, должен лежать в основе всякой художественной школы. Вы и сами этого не отрицали.

Футурист (несколько сердясь). — Что вы мне затвердили «символизм» да «символизм»! Сами же вы говорили, что символисты были и до «символизма»! Вы так расширили это понятие, что в него, как в бездну, все проваливается. И Эсхил у вас символист, и Блок символист. Однако есть же разница между Эсхилом и Блоком. Вот это-то, что составляет разницу, и было настоящим лицом вашего символизма. Содержание ваших стихов — или назойливая эротика, или вымученное глубокомыслие, форма их — дряблая или сухая. На все вы смотрите извне, ничего, ни одного явления не видите изнутри.

Символист (явно обидившись). — Вы так утверждаете? Обращаю ваше внимание, что вы возвращаетесь к проблеме содержания. Что касается эротика, я возражу вам словами Пшибышевского: «Мы ничего не можем изменить в том факте, что в наше время душа проявляется только в отношениях полов друг к другу: пусть делают за это упреки душе, а не нам». Наша эротика это — «Языкова прозябший хмель», как прекрасно сказал один поэт. Что же касается упрека, что мы на все смотрим извне, то вы забываете те же песни о городе, которые я только что упоминал. Кажется, мы первые...

Футурист (перебивая). — Ваши стихи о городе! Да что вы понимали, что видели в городе! (Вынимает новую книжку и читает.) «Это у Брюсова такой глупо-спокойный игрушечный город:

Царя властительно над долом,
Огни вонзая в небосклон...

Вот удивительно! А куда же и направляется дым и огонь городов, как не вверх, и над чем же царит город, как не над долиной! Не то у Маяковского!» (Декламирует.)

ЗИГЗАГИ И ВЕЧЕР

Адище города окна разбили
 На крохотные сосущие светом адки
 Как рыжие дьяволы скакали автомобили
 Над самым ухом взрывая гудки
 А там под вывеской где сельди из Керчи
 Старый старикашка шарил очки
 И заплакал когда в вечернем смерче
 Трамвай с разбега взметнул зрачки...

(Опять читает.) «Тут дана не внешне описательная сторона, а внутренняя жизнь города, он не созерцается, а переживает-ся!» Разве не правда?

Символист. — Позволяю себе думать, что не правда, и не потому, что «amicus Plato». Дело в том, что у Брюсова — синтез города вообще, а у Маяковского...

Умеренный. — Господа, мы никогда не кончим, если будем разбирать отдельные стихотворения и отдельные выражения. Будем говорить о принципах. Каковы бы ни были недостатки символизма, он был той высшей точкой, которой достигло развитие нашей современной поэзии. Установим, как исходный пункт, что новые литературные школы рождаются из предшествующих. Отметая ошибки старших, молодые должны впитать в себя их лучшие достижения. Так создавались все без исключения литературные школы в истории. (К историку.) Не так ли, И. И.?

Историк (неожиданно). — Не выпить ли нам, господа, кофе с хорошим ликером?

Футурист (сочувственно). — Это можно.

Умеренный (с негодованием). — Не в этом дело! Установим, как исходный пункт, что футуризм мог родиться только из символизма. Футуристы — это те же символисты, которые хотят, во-первых, отмежеваться от недостойных эпигонов символизма, а во-вторых, отказавшись от некоторых ошибок символизма, привнести в него свое новое...

Футурист. Вам угодно все примирять: все, мол, символисты, и прекрасно. Но мы вовсе не желаем быть продолжателями или исправителями символизма. Совсем не из символизма мы «рождаемся». И, если уже говорить откровенно, ничего общего с символистами у нас нет.

Неистовый. Ну, вот и договорились. Сознаетесь, что вы без роду, без племени. Пушкина — к черту, символистов — насмарку, пришли мы, футуристы, и с нас начинается первый день творения. Раньше ничего не было: один хаос, над которым даже

Дух Божий не носился. Поэзия и вообще литература начинаются с вас. Так?

Футурист (которому надоело сдерживаться). — А что же мне делать, если так? Литература-то, пожалуй, была, были всякие романтизмы, реализмы, символизмы, но поэзии не было! Поэзия начинается с наших дней: для меня это несомненно. Будущим поколениям, нечего делать, придется кинуть в сорную корзину и Гомера, и Гёте, и Пушкина, и Льва Толстого в придачу. Впрочем, в сорную корзину можно и не бросать, а изучать этих старичков, как изучают летописи. Только поэзии искать у них не приходится.

Неистовый (яростно). — Вот как-с! Это вы вашими ЕУЫ хотите заменить нам «Войну и мир». А вот нам кажется, что не Льва Толстого бросят в сорную корзину, а все вы, господа футуристы, сами себя швырнули не в сорную корзину, а в...

Символист (примирительно). — Ведь мы же спорим о принципах, а не о личностях! Простите, Ж. З., ежели вам угодно проводить столь резкую демаркационную линию между поэзией до вас, до футуризма, и вашей, футуристической, поэзией, на вас лежит *onus probandi*. Вам надлежит показать нам, что вы имеете достаточное основание в такой мере обособлять футуризм от всех иных литературных школ. Если вы правы, и футуризм столь своеобразен, то возникает следующая альтернатива: или вся поэзия предыдущих веков — не поэзия, или, что, может быть, принять легче, футуризм — не поэзия. Оговариваюсь: может быть он нечто лучшее, высшее, но не поэзия.

Футурист (неумолимо). — Да, вся поэзия, как вы выражаетесь, предыдущих веков — не поэзия.

Неистовый (про себя). — Высечь бы их всех хорошенько, и все тут.

Символист. — Покажите же нам, что такое существенно-новое, принес футуризм, где нашел он точку опоры Архимеда, чтобы перевернуть весь мир искусства. Вы изволили заметить, что содержание в поэзии не имеет значения. Итак, этого нового долженствует искать в форме. Позвольте сказать вам, что ваши неологизмы, ваши нарушения размера, ваши ассонансы вместо рифм, ваши рифмы, разделенные между двумя стихами, — все это весьма не ново. Подобное же, а иногда и нечто более смелое, вы найдете у тех же символистов, и даже раньше — у романтиков, и даже еще раньше — у позднейших римских поэтов. У Порфирия Оптациана, поэта IV века, есть смелости в форме, которые вами еще не достигнуты. Что же вы дали новой поэзии в форме по существу, именно, по существу?

Футурист. — Да, я вам, отвечу, и отвечу «по существу». Конечно, не стоит спорить об отдельных примерах. Что из того, что Эдгар По или ваш Иннокентий Анненский где-то, один раз, решились разделить рифму между двумя стихами и что какой-то там Порфирий в своих скучных (наверное, скучных) виршах осмелился нарушить правила метра! Не это важно: все это было если не случайностью, то робким показыванием кулака в кармане. Мы же, футуристы, мы, первые во всем мире, провозгласили истинный принцип поэзии.

Неистовый. — Показываете кулаки с эстрады?

Футурист (не обращая внимания). — Скажите, что такое поэзия? Искусство слов, не так ли? Чем иначе она отличается от музыки, от живописи? Поэт — художник слов: они для него то же, что краски для живописца или мрамор для ваших скульпторов. Мы и пожелали быть художниками слов, и только слов, т. е. выполнить истинное назначение поэта. Вы, что вы сделали из слова? Вы превратили его в раба, в поденщика, служащего вашим так называемым идеям! Вы унизили слово до подчиненной роли. Вы все, и реалисты, и символисты одинаково пользовались словом, как передвижники красками. Те не понимали, что сущность живописи — сочетание красок и линий, и все старались красками и линиями высказать какие-то скудные мысли, решительно никому ненужные, потому что всем давно известные. Вы тоже не понимали, что сущность поэзии — сочетания слов, и уродовали их, заставляя выражать, ваши заимствованные напрокат у философов, мысли. Футуризм впервые провозглашает истинную поэзию, свободную, искусство свободных слов!

Умеренный (желая показать себя осведомленным). — «Слово, как таковое»? Слыхали мы это.

Футурист. — Да, «слово, как таковое»!

Символист. — Полагаю, что крайне несправедливо обвинять нас в недостаточной любви к слову. Кто же другой, как не мы, символисты, установили культ слова. И не у одного ли из наших поэтов заимствовали вы самую вашу теорию. Я напому вам, что он говорит, обращаясь к поэту:

И ты с беспечального детства
Ищи сочетания слов...

Футурист. — Говорить-то вы это говорили, но не исполняли. Если угодно, я сделаю вам маленькую уступку. Все истинные поэты, — такие были и в прошлом, — конечно, понимали,

в чем сущность поэзии, да, не смели в этом открыто признаться. Мужества не хватало! Помню, еще в гимназии я убедился, что это понимали и Вергилий, и Овидий, и ваш Пушкин. Поэтому попадают у них отдельные стихи, которые надо признать поэзией настоящей. Но они вставляли их в свои поэмы, так сказать, воровски, крадучись, все время делая вид, что это лишь незначительные прикрасы, что дело вовсе не в том, а в каком-то там содержании, сюжете. А мы открыто объявляем, что сюжет, содержание и всякая идея в поэзии — вздор! Важны лишь слова и их сочетания. Вы словами хотели разбираться в душе, а слова то и создают душу! Вот почему мы можем говорить, что до нас поэзии не было, что она начинается с нас. Понятно?

Символист. — В ваших словах не было ничего такого, что бы можно было не понять. И если вам учение о символе показалось старым, то позвольте вам сказать, что и ваше учение о «слове, как таковом», не очень ново. Вы забыли, например, что до вас был Маллармэ.

Умеренный. — И потом — что такое «слово»?

Символист. — Да, это очень важный вопрос. Вы, кажется, думаете, что слово — только сочетание известных звуков. Нет! каждое слово языка прожило тысячелетия, и все эти тысячелетия оставили свой след на нем. С каждым словом у нас ассоциируется множество самых разнообразных представлений. В каждом слове, кроме его звуков, скрыты идеи и образы. От них вы не в силах оторвать слово. Каждое слово — целый миф. Если вы ищете «сочетания слов», то вы должны сочетать и все эти ассоциированные с ним представления. Лишь тогда вы достигнете гармонии в сочетании (гармонии — не в смысле приятности, а в смысле цельности). Иначе ваше «сочетание слов» окажется, как то часто и бывает у поэтов-футуристов, простите меня, просто грудой слов.

Футурист. — Вот именно, чтобы освободить слово от всех этих ваших связанных с ним представлений, мы и изобретаем новые слова, пишем на нашем «заумном» языке. Таким способом мы даем свободу словам, затасканным по базарам и по сборникам стихотворений. Будущие поэты должны писать на своем языке!

Символист. — Этим вы всего менее достигаете своей цели. Не трудно насочинять многие сотни новых слов, особенно пользуясь вашим методом, т. е. не справляясь с правилами языка, заложенными в самом духе народа. Но то будут все слова мертвые. Именно потому, что с ними не ассоциируется никаких представлений, они ничего и не говорят нам. Такими словами не

только не возможно «создать душу», как вы изволите претендовать, но даже и намекнуть на что-либо. В конце-концов это даже не слова, а только буквы, напечатанные на бумаге в некотором порядке.

Футурист (несколько непоследовательно). — А что же, если и буквы! Разве из букв нельзя создать поэзии? В последнем счете, слова, конечно, — буквы, и если поэзия — искусство слов, то она и искусство букв! Вот изумительные стихи одного из футуристов. (Декламирует.)

ВЫСОТЫ
(Вселенский язык)

е у ю
и а о
о а
о а е е и е я
о а
е у и е и
и е е
и и ы и е и и ы

Это стихотворение одинаково много скажет каждому читателю, кем бы он ни был, образованным или не образованным, русским или китайцем, — стихотворение истинно вселенского языка!

Символист. — Простите, пожалуйста. Позвольте, разобраться это стихотворение, — господина Крученых, если не ошибаюсь. Чем же оно что-нибудь скажет читателю? Если формой букв, то согласитесь, это будет уже не поэзия, а графика или живопись. Если сокровенным значением гласных, которое вы, по-видимому, предполагаете, то имейте в виду, что в каждом языке гласные произносятся по-разному. Немец иначе произносит *e*, чем француз, тем более чем русский; итальянец никогда не произнесет нашего *ы* и т. д. Если, наконец, звуками, при декламации, то звуки эти будут зависеть от тембра голоса чтеца. Каждый читатель прочтет это «стихотворение» по-своему. Таким образом оно для каждого будет разным. И господин Крученых решительно не может предугадать, как воспримет эти его стихи тот или другой читатель, иначе говоря, автор сам не знает, что именно он написал. Если вы это называете «вселенским языком», то я не знаю, что же называть «языком во всей вселенной непонятным».

Футурист. — Весьма легко все отрицать...

Неистовый. — Как, например, вы — всю прошлую поэзию.

Футурист (не обращая внимания). — ...и нарочно делать вид, что ничего не понимаешь. Ну, а что, если мы примем во внимание все эти, по вашему выражению, ассоциирующиеся со словом представления и все же будем творить поэзию слов? Если мы учтем в словах их звук и все, что на них насело за эти проклятые тысячелетия? Если мы будем создавать наши новые слова так, чтобы их составные части давали вам столь вам любезные ассоциации? Тогда признаете ли вы, что футуризм — единственная истинная поэзия, а все остальное — подделка и поддержка?

Символист. — Тогда футуристы станут символистами. Может быть, вы видоизмените несколько нашу поэзию, — все в мире должно эволюционировать, — но в сущности то будет новая стадия того же символизма. И я верю, надеюсь, что так оно и будет.

Футурист. — Нет, так-то и не будет!

Неистовый. — Не будет потому, что через год от всего вашего скандального футуризма ничего не останется.

Умеренный (успокаивая готовую вспыхнуть страстность). — Не довольно ли, господа, споров? Перейдем к другому. Вот И. И. ...

Историк (Он тем временем сделал нужные распоряжения; и лакей уже внес кофе и разлил по рюмкам белую влагу трипль-сек-куантро). — Да, господа, достаточно поговорили, можно и выпить. Мы ведь не в сороковых годах. Но позвольте мне, как старшему среди нас, сделать маленькое резюме нашего маленького спора.

Символист (предупредительно). — Просим, просим! Господа, И. И. хочет говорить. Слушайте!

Историк. — Я, господа, хотя читал прејскурант, но довольно внимательно слушал и спор. Кое-что было сказано лишнее, но больше не досказано. Многoму можно было бы привести более сильные доводы. Но все же были и соображения верные. Я, например, как это ни странно в мои годы, готов принять определение поэзии, данное господином футуристом. Да, поэзию можно определить, как искусство слов. Этим определяется не вся сущность поэзии, но внешне определение совершенно точно. И правда то, что это понимали все истинные поэты. Читайте великие создания поэзии, начиная с Гомера, продолжая Вергилием, Данте, Гёте, читайте особенно лирику, где поэзия предстает в своем наиболее чистом виде, — везде вы найдете на первом месте заботу о сочетании слов. Размер, рифмы — все это средства поэзии; музыкальная инструментовка — ее душа, без которой поэзия умирает. Попробуйте самое дорогое вам стихотворение

рассказать своими словами, поставить в нем слова в другом порядке: останется смысл, останется идея, но поэзия умрет. Она вся — в сочетании слов, в комбинациях гласных и согласных, в аллитерациях, внутренних созвучиях и т. д. Только это дает стихам, поэзии, ту силу, что она говорит более, чем вообще могут сказать слова. Без этого остается проза, пусть «художественная», но проза. Как говорит Фет:

Вот чем певец лишь избранный владеет,
Вот в чем его и признак, и венец!

Итак, то, что многие считают в поэзии формой, на деле составляет ее душу. Поэзия — искусство слов: это — истина. Но дело в том, что эта истина, так сказать, эзотерическая. Великие поэты ее знали, но разглашать ее считали невозможным. Непосвященными она была бы понята ложно. Случилось так, что в наши дни эта истина досталась именно непосвященным. Извините меня, господин футурист, но вы, узнав эту истину, глубин ее не постигли. Вы мне напоминаете прохожего, случайно подслушавшего священные слова мистерии и потом громко повторяющего их на площади.

(Помолчав.) В новой поэзии, господа, т. е. в поэзии последних столетий, замечается определенная смена двух течений. Одна школа выдвигает на первое место то, что называют содержанием, другая — то, что называют формой; потом то же самое повторяется с двумя следующими школами. Лже-классицизм был школою, выше всего ставившей форму, не «что», а «как». Содержание лже-классики охотно заимствовали у древних, им было важно, как оно обработано. Романтики в противоположность лже-классикам настаивали прежде всего на содержании. Им были дороги их средние века, их экзотизм, их тоска по идеалу, их религиозные устремления. Конечно, и в область формы романтики внесли свой вклад, но, так сказать, нечаянно; между делом, а в сущности они довольно пренебрежительно относились к форме своих стихов: вспомните хотя бы проделки Мюссе или небрежность стихов Новалиса. Парнасцы опять провозгласили примат формы. «Безупречный» стих стал их девизом. Это они-то и объявили, что в поэзии важно «как», а не «что», и не кто иной как Теофиль Готье изобрел формулу «искусство для искусства». В символизме, не соглашаясь со многими критиками, я вижу опять возрождение содержания. Самая идея символа говорит о том, что символическая поэзия хотела быть прежде всего поэзией идейной. Такой она и была у лучших представителей символизма. Все это в действительности было, конечно, не

так просто, схематично, прямолинейно, как я теперь передаю. Разумеется, все истинные поэты стремились привести в гармонию форму и содержание, но я имею в виду преобладающую тенденцию не отдельных поэтов, а именно поэтических школ, как целого. Если я прав, то естественно ожидать, что теперь на смену символической школе должна явиться школа, на первый план ставящая опять форму, или, оговариваюсь еще раз: то, что называют формой. Каждый раз, при новом появлении, старое учение становится утонченнее, острее, идет дальше. Парнасцы шли дальше лже-классиков; естественно ожидать, что новая грядущая школа в своем культе формы пойдет дальше парнасцев. Такой школой, сменяющей символизм, мне и кажется пресловутый футуризм. Исторически, как видите, его появление вполне оправдывается. Он должен был явиться именно с такими устремлениями. Его историческая роль, действительно, утвердить абсолютное господство «формы» (помните, что это слово условное) в поэзии и отвергнуть в ней всякое «содержание».

(Опять помолчав.) Что же, правы ли футуристы по существу? Нет, господа, не правы. Наш сотоварищ ссылался на пример живописи, которая долго не могла понять, что ее сущность — краски и линии, и все отводила им служебную роль, заставляла их передавать какие-то ненужные сюжеты. Однако что будет, если художник просто наложит на полотно ряд красочных пятен, что, впрочем, уже делают некоторые из «новейших»? Получится хаос красок, который нельзя будет охватить взглядом. Рубенс, может быть, тоже искал лишь одного: сочетания красочных пятен. Но он вкладывал его в картину с определенным замыслом. Мы видим перед собою портрет или мифологический сюжет, краски группируются вокруг определенного центра сознания, получают единство, и мы такой картиной наслаждаться можем. То же самое в поэзии. Дайте сочетание слов, не связанных общим смыслом: они рассыплются, они пропадут для сознания. Содержание в художественном произведении то же, что, стебель для цветка. Мы дорожим цветком, но он не может жить без стебля. Это одно. Далее. Я уже говорил, что сочетание слов в поэзии, т. е. то, что обычно называют «формой», на самом деле есть ее душа. Да, душа, но не сущность. Стихи, в которых нужное сочетание слов будет достигнуто, в которых «форма» будет совершенна, будут стихами одушевленными, но лишенными подлинного «содержания», «сущности». Это будет как бы живой человек, лишенный всяких воспоминаний, знаний, опыта, характера, всякого духовного содержания, иначе — живая машина. Такие стихи могут быть красивы или не красивы, сильны или не силь-

ны, но они абсолютно не нужны людям. Это будут игрушки, годные лишь для малых детей. Вот здесь то и вступает в силу то, о чем говорил наш друг-поэт, когда утверждал, что символизм — истонное начало искусства. Только через символы мы можем влить в душу стихотворения его истинное содержание, которое есть не сюжет, не такая-то отвлеченная идея (в лучшем случае все это, как я назвал, «стебель»), а то сокровенное, что иным образом выражено быть не может. Но сейчас не время и не место говорить об этом подробнее, без того я слишком долго занял ваше внимание и кончаю. Итак, я думаю, что футуризм — очередная школа поэзии. Истинных, больших талантов среди футуристов я пока не заметил. Но это не беда. Таланты появятся, не могут не появиться. Футуризм доведет до крайности культ формы. Но истинно великие создания он даст лишь тогда, когда с этим культом соединит тот самый символизм, который теперь так надменно хоронит. Dixi.

Неистовый (сквозь зубы). — Не ожидал я, И. И., что вы так заискиваете перед молодежью. Послушать вас, так весь свет в футуристическом окошке. Подождем, однако, годик...

Символист. — Простите, И. И., но я с вами совершенно не согласен. Ваша схема литературных школ крайне произвольна. Ваше определение «формы» и «содержания» в поэзии крайне сбивчиво. Ваш прогноз будущего не основан ни на каких реальных данных...

Умеренный. — Господа, ведь мы решили споры прекратить. Хотя речь И. И. и не совсем была резюме нашего спора, но она примиряет всех. И правы футуристы и не правы, и восторжествуют и не восторжествуют. На том и поладим.

Футурист. — Но мы вовсе не желаем ладить! Мы предпочитаем войну, а не лад. Ни с кем из вас я не согласен. Все это — не так!

Историк. — Господа, выпьем! (Наливает опустевшие рюмки.)

Футурист. — Это можно.

